

— Господин Чэн, вы слишком недооцениваете банду Сянма. Без Чжу Юна усадьба Цинцао — лишь горстка рассыпанного песка, они нам не соперники.

— Старого главы Чжу Юна больше нет, зато появился новый — Чжу Чэнчжан. Но банда Сянма — это все же преступная группировка. Неужели двор, стремясь расправиться с усадьбой Цинцао, которая шестьсот с лишним лет контролировала водные пути у горы Лунцюань, готов пойти на сделку с преступниками и не боится, что слухи об этом запятнают его репутацию? Когда зайцы переловлены, гончих псов пускают на суп. Такова была судьба Хань Синя, полководца Хуайньского, что уж говорить о какой-то там банде Сянма?

Лицо Чжу Чэнчжана помрачнело, в его душе зародились сомнения.

Чэн Цзинсюань продолжил:

— Даже если двор проявит милосердие и не станет истреблять банду до последнего, нынешний главарь молод и полон сил. Пока он жив, господин Чжу всегда будет лишь вторым номером. Разве это сравнится с почестями и вольной жизнью главы усадьбы Цинцао?

Чжу Чэнчжан молчал, его выражение лица было трудно истолковать. Чэн Цзинсюань не торопил его, и вскоре рыба сама поплыла в сети.

— Откуда господин Чэн так осведомлен о планах двора? Неужели вы решили, что я, запертый в горах, ничего не смыслю в текущих делах?

Чэн Цзинсюань слегка улыбнулся:

— Фан Цзыци, наместник Суйчжоу, лучший выпускник экзаменов года Биншэнь, уроженец уезда Хэней. Еще будучи школяром, он учился у моего отца, Чэн Цзяня. Три года усердного труда, и вот он — прославленный на всю Поднебесную чиновник. Господин Чжу может проверить это в любой момент.

— Господин Чэн, вы мастер стратегии, превзошли своего учителя. Я искренне восхищен. Как вы предлагаете сотрудничать?

— Свисток для подачи сигналов уже вернулся к законному владельцу. Не пора ли господину Чжу вернуть мне моего человека, прежде чем мы обсудим детали?

Чжу Чэнчжан на мгновение задумался, а затем, приняв решение, подтолкнул Фу Цзюньяо к Чэн Цзинсюаню.

Фу Цзюньяо почувствовал резкий укол в запястье, после чего его буквально швырнуло вперед, прямо в объятия, пахнущие целебными травами.

— Ты в порядке? — с беспокойством спросил Чэн Цзинсюань.

Господин Фу размял запястье, закатил глаза и проворчал:

— Кто еще твой человек?

Чжу Чэнчжан спрятал серебряную иглу и самодовольно произнес:

— Господин Фу поражен моей иглой, отнимающей жизнь. Без противоядия он скончается в течение месяца. Разумеется, у меня нет намерения вредить господину Фу. Как только господин Чэн сдержит слово и двор поможет мне, новому главе усадьбы, покончить с бандой Сянма, противоядие будет немедленно передано вам.

— Ты... — Чэн Цзинсюань хотел было разразиться гневной отповедью, но Фу Цзюньяо удержал его и, повернувшись спиной, быстро начертил несколько слов на его ладони.

Лицо Чэн Цзинсюаня прояснилось. Он холодно произнес:

— Господин Чжу, вы чрезвычайно осторожны.

Чжу Чэнчжан торжествующе усмехнулся:

— По сравнению с вами, господин Чэн, это лишь детские игры. Есть ли у вас еще какие-нибудь мудрые мысли?

— Куда мне до мудрости. Просто подайте сигнал, и Фан Цзыци до рассвета введет войска в усадьбу Цинцао. Доказательств того, что Чжу Юн присваивал зерно, предназначенное для спасения Северо-Запада, подкупал чиновников и губил честных людей, более чем достаточно. Двор законно вынесет приговор, а затем направит войска на усмирение банды Сянма. И тогда все водные и сухопутные пути перейдут под ваше командование, господин Чжу.

— Ха-ха, да будут ваши слова пророческими! — Чжу Чэнчжан выстрелил из сигнальной ракетницы. Раздался свист, и слабый огонек взмыл в небо.

На рассвете наместник Суйчжоу Фан Цзыци в парадном красном облачении, полный решимости, ворвался с отрядом воинов в усадьбу Цинцао. Восемнадцать подозреваемых, включая бывшего главу Чжу Юна, были доставлены в ямынь. Через три дня начался суд. Свидетелями обвинения выступили сирота семьи Чэн — Чэн Цзинсюань, потомок величайшего врача — Фу Цзюньяо, и молодой глава усадьбы Чжу Чэнчжан. Бухгалтерские книги усадьбы стали неопровержимым доказательством. Из-за сложности дела и причастности к нему помощника министра правосудия Фэн Биня, Фан Цзыци решил отправить всех преступников в столицу для дальнейшего разбирательства.

Месяц спустя дело было раскрыто. Чжу Юн скончался от болезни по пути в столицу, Фэн Бинь был лишен чинов, его имущество конфисковали, а самого приговорили к смертной казни. Остальные сообщники были сосланы на границы. Двор взял под контроль все дела усадьбы Цинцао. Новый император издал указ, оправдывающий бывшего наместника Суйчжоу Чэн Цзяня, восстанавливая его доброе имя и чистоту государственного управления.

— Эй, смотри, я же говорила, что наместника Чэна оклеветали! — радостно воскликнула торговка овощами, протиснувшись в первый ряд у императорского указа.

— И то правда, — старик, носивший воду, ударил себя в грудь. — Я в Суйчжоу тридцать лет живу, только когда он был наместником, мы, простой народ, жили спокойно.

Один из книжников, указывая на имя Фэн Биня в указе, промолвил:

— Посмотрите, господа! Оказывается, это помощник министра правосудия разворовывал зерно, а потом в сговоре с усадьбой Цинцао губил порядочных людей. Говорят, он когда-то вместе с господином Чэном экзамены сдавал. И где только его совесть была?

Стоявшая рядом девушка, помахивая платочком, усмехнулась:

— Верно сказано. Как гласит пословица: среди мясников часто встречаются люди долга, а среди книжников — предатели. Эй, ученый, разве не так?

Книжник украдкой взглянул на девушку и густо покраснел, не в силах вымолвить ни слова. Окружающие рассмеялись, и в воздухе разлилось чувство всеобщего удовлетворения справедливостью.

— Ха-ха, парень, вижу, ты боишься возразить — небось, запал на девчонку? — поддразнил его затерявшийся в толпе Фу Цзюньяо.

Девушка тоже залилась краской, скомкала платочек и поспешила уйти.

— Ха-ха... — Фу Цзюньяо продолжал потешаться, как вдруг кто-то трижды несильно похлопал его по плечу. Он замер, обернулся и, не успев ничего сказать, был вытянут из толпы.

— Заставил меня покупать вино и мясо, а сам здесь глазеешь на людей да девчонок смущаешь. Ты просто мастер! — Чэн Цзинсюань сжимал в одной руке кусок свежего мяса, в другой — два кувшина вина, скрежеща зубами от досады.

Фу Цзюньяо, осознав свою вину, тут же забрал мясо, которое до этого брезгливо сторонился, и расплылся в улыбке:

— Ну я же просто интересовался делами! Раз указ вышел и имя господина Чэна восстановлено, ты теперь должен быть счастлив!

Чэн Цзинсюань, игнорируя его лесть, с пренебрежением выхватил мясо обратно.

Фу Цзюньяо поспешил сменить тему:

— Недавно двор разгромил банду Сянма и взял под контроль усадьбу Цинцао. Теперь все пути в

руках императора. Интересно, как там Чжу... то есть Чжу Чэнчжан?

— С момента восшествия на престол нового императора двор планировал вернуть себе власть над усадьбой. Столько лет прошло, наконец удалось. Какими бы ни были его амбиции, он не пойдет против двора. Единственный путь к спасению — склонить голову.

Фу Цзюньяо склонил голову набок:

— Эх, глупый он. В банде Сянма работал на других, в усадьбе Цинцао — тоже. Столько лет строил козни, терпел невзгоды, а в итоге все равно работает на двор. Какой смысл?

Чэн Цзинсюань покачал головой:

— Самая большая его глупость в том, что он недооценил тебя.

Глаза Фу Цзюньяо загорелись:

— В каком смысле?

— Хоть ты и бестолковый, и во всем проявляешь небрежность, но в медицине ты мастер. Он пытался угрожать мне, отравив тебя, — это значит, что он совершенно не знал, кто такой величайший врач Поднебесной.

— Хм, это ты бестолковый. Когда я только отравился, не знаю, кто из нас двоих был глупее — бегал вокруг, глаза покраснели, — пробормотал Фу Цзюньяо.

— Что ты сказал?

Плохо, тон не тот! Фу Цзюньяо тут же подобострастно улыбнулся:

— Ничего! Я говорю, давай скорее пойдем готовить ужин, я проголодался!

В той же старой деревянной хижине, с теми же сухими пучками полыни, оставшимися после праздника драконьих лодок, стоял у порога закопченный глиняный горшок. А-Хуан, пуская слюни, смотрел на него, не мигая.

После того как Фу Цзюньяо и Чэн Цзинсюань внедрились в усадьбу Цинцао, Сяо Ли уехал домой. А-Хуана сначала отдали другим людям, но тот, привыкший к мясным косточкам с привкусом лекарств, которые давал Фу Цзюньяо, не прижился у новых хозяев и тайком вернулся в хижину. Он исхудал, питаясь объедками, но дождался своих нерадивых хозяев и с тех пор завел привычку встречать их у порога.

Обычно стоило им подойти, как слышался лай А-Хуана, но сегодня было тихо. Фу Цзюньяо заподозрил неладное.

Он толкнул дверь и увидел, что А-Хуан, виляя хвостом так, словно хотел достать до неба, заискивающе вертится вокруг юноши в синем одеянии.

— Цзинсюань, Цзюньяо, вы вернулись! — юноша улыбнулся и бросил собаке кусок мяса. А-Хуан тут же помчался за ним.

— ... — Проклятая собака, проклятый человек! Хм!

В отличие от Фу Цзюньяо, Чэн Цзинсюань сбросил все вещи в руки Фу и радушно пригласил гостя:

— Цзыци, проходи скорее.

Две фигуры — в синем и белом — вошли в дом. Они тихо беседовали, и картина казалась такой гармоничной, что если бы у господина Фу была шляпа, она бы непременно стала ярко-зеленой от ревности.

Фу Цзюньяо скрежетал зубами. Ему казалось, что эта сцена уже где-то была. Но теперь он не просто продавец груш, он — настоящий У Далан! Если эти двое позволят себе лишнее, он запустит в них лепешкой!

Он отнес мясо на кухню, взял кувшин вина и вернулся, чтобы «угостить» гостя. Однако, войдя, он заметил, что лица обоих были серьезны. «Поругались? Отлично!» — подумал он.

Господин Фу прочистил горло и вкрадчиво произнес:

— Что случилось? Братья, вы такие печальные, может, расскажете, в чем дело?

Даже если нельзя помочь, пусть хотя бы мне станет веселее.

Но Чэн Цзинсюань ответил:

— Ничего особенного. Цзюньяо, Цзыци редко заходит, приготовь-ка нам тушеную свинину.

Фу Цзюньяо замер. «Опять выпроваживает!» — подумал он.

Чэн Цзинсюань, видя его выражение лица, понял, что тот опять напридумывал лишнего, сжал его ладонь и прошептал:

— Цзыци скоро уедет в столицу, проводим его как следует. Иди.

Теплое дыхание коснулось уха, и господин Фу превратился из яростного тигра в мягкого кролика. Он удалился с вином.

Шутки в сторону, вино — источник ошибок, разве можно оставить его этим двоим?

Отойдя, Фу Цзюньяо решил вернуться и подслушать — даже если он кролик, то с клыками.

— Цзинсюань, ты правда не хочешь вернуться со мной в столицу? — убеждал Фан Цзыци.

Чэн Цзинсюань покачал головой:

— Я привык здесь жить, не хочу уезжать.

Фан Цзыци вздохнул:

— Что ж. Император сказал, что если ты не хочешь в столицу, можешь занять пост наместника Суйчжоу вместо отца.

— Нет, Цзыци, ты ошибся. Я хочу быть простолюдином, не желаю служить двору.

Фан Цзыци был поражен:

— Учение — путь к чиновничеству. Ты столько лет шел к этому, почему?!

Чэн Цзинсюань отмахнулся:

— Мой отец столько лет провел в чиновничьих интригах, я устал на это смотреть.

— Но ты столько лет учился, что еще ты можешь делать?

Чэн Цзинсюань указал на удочку в углу:

— Ты же знаешь, у меня нет больших амбиций. Рыбалка — самое подходящее занятие.

Фан Цзыци замер, словно озаренный:

— Ты и впрямь умеешь ловить рыбу.

Фу Цзюньяо за дверью был в недоумении. Он помнил, что раньше Чэн Цзинсюань мечтал о карьере, а рыбалку ненавидел, считая ее грязным и скучным делом. Что за перемена?

— Гав! Гав!

А-Хуан, доев кусок мяса, наконец нашел хозяина и радостно залаял.

— Эй! Тсс! Не лай! — шикнул Фу Цзюньяо, боясь разоблачения.

— Гав! Гав! Гав!

А-Хуан не унимался, и из дома вышли удивленные Чэн Цзинсюань и Фан Цзыци. Фу Цзюньяо, увидев их, пустился наутек.

Чэн Цзинсюань: «...»

Фан Цзыци усмехнулся:

— Не догонишь — твоя рыбка уплывет!

— Еда на кухне, угощайся сам. Желаю удачи на службе, — Чэн Цзинсюань сунул ему остаток вина и бросился в погоню.

Фан Цзыци остолбенел: «Ну и ну...»

Вернувшись в комнату, Фу Цзюньяо пожалел о побеге. Почему он ведет себя как девица? Стоит Чэну пофлиртовать, как он краснеет и убегает!

— Цзюньяо. — Раздался стук в дверь.

Фу Цзюньяо запаниковал и по привычке спрятался за кровать.

«Нет! Я же сильный! Как я могу так себя вести!»

Он набрался смелости и распахнул дверь:

— Что надо? Это А-Хуан подслушивал, а не я!

Как только слова слетели с губ, он захотел прикусить язык. Что за чушь!

Чэн Цзинсюань усмехнулся и тихо закрыл дверь:

— Да, я знаю.

Фу Цзюньяо попытался взять инициативу в свои руки:

— Чего ты здесь стоишь? Иди готовь! Гость заждался, это невежливо!

Он попытался вытолкать его, но враг схватил его за запястье. Теплые пальцы сжали ладонь так, что у Фу Цзюньяо подогнулись колени.

Чэн Цзинсюань наклонился к его уху:

— Ты беспокоишься о госте, а обо мне — нет?

Фу Цзюньяо вздрогнул, оттолкнул его и отступил:

— Голодный — иди готовь сам!

Чэн Цзинсюань медленно приближался.

Все кончено, враг слишком силен!

— Ты... ты... не подходи! — Фу Цзюньяо в ярости ткнул пальцем в нос врага.

Чэн Цзинсюань поймал его палец, взял в рот и слегка прикусил.

— ... — Где он набрался таких привычек?

Фу Цзюньяо остолбенел, его лицо стало пунцовым. В полузабытьи он почувствовал влажное прикосновение на лбу. Он попытался уклониться, но нежное прикосновение переместилось на брови, глаза и щеки.

Фу Цзюньяо замер, осознание вернулось к нему. Высокая фигура заслонила свет. Мягкий поцелуй скользнул по щеке и коснулся губ. Знакомый аромат не давал сомневаться, кто это.

— Эй, не наглей... — остаток фразы утонул в горячем поцелуе. Враг снова слегка укусил его за губу.

Фу Цзюньяо, окончательно потеряв голову, в ответ укусил его за губу и отпрянул, как от удара током.

Он хотел было торжествующе улыбнуться, но увидел, что взгляд Чэн Цзинсюаня потемнел — это предвещало беду! Он попытался сбежать, но Чэн Цзинсюань не дал ему шанса, окончательно запечатав его губы.

Фу Цзюньяо и представить не мог, что сюжеты из романов станут реальностью, и что он будет получать от этого удовольствие. Мир полон чудес.

Он пробормотал:

— Уже третий раз, только и умеешь пользоваться моим состоянием.

Раздался тихий смех. Чэн Цзинсюань прошептал:

— Впереди еще много раз, — и, ловко подцепив язык Фу Цзюньяо, увлек его в глубокий поцелуй.

Фу Цзюньяо не мог сопротивляться. Слюна стекала по уголкам губ, что казалось ему постыдным, но он лишь слабо сопротивлялся, пока Чэн Цзинсюань не прижал его руки, заставляя вздрогнуть.

Враг слаб, грех не воспользоваться этим! Чэн Цзинсюань подхватил Фу Цзюньяо и бережно уложил на кровать.

Даже самый глупый понял бы, что будет дальше. Фу Цзюньяо, опытный в этих делах, хотел было возразить, но Чэн Цзинсюань действовал быстрее.

Затылок оказался в надежном захвате, и прежде чем Фу успел издать возглас, Чэн Цзинсюань завладел его губами.

Вскоре Фу Цзюньяо уже не мог держать даже воротник его одежды. Чэн Цзинсюань, наслаждаясь поцелуем, быстро сбросил свою одежду, обнажив крепкие мышцы. Фу Цзюньяо замер от восхищения, не зная, куда деть руки.

Чэн Цзинсюань прижал его своим телом, не давая пошевелиться. Его рука расстегнула пояс врага...

Фу Цзюньяо чувствовал себя утопающим, ухватившимся за спасательный круг. Волны накатывали одна за другой.

В полузабытьи он вспомнил тот день в тайной комнате, когда ошибочно обвинил Чэн Цзинсюаня в отравлении Чжу Юна.

Он прерывисто выдохнул:

— В тот день... что ты хотел мне сказать?

Чэн Цзинсюань нежно поцеловал его в лоб:

— Расскажу потом.

Фу Цзюньяо, охваченный удовольствием, забыл обо всем на свете, даже не услышав электронного звука, на мгновение промелькнувшего в глубине сознания.

<http://bllate.org/book/20359/2035423>